
Андрей Тусичишный*

ОБРАЗ ЕКАТЕРИНЫ II В РОМАНЕ «ИДИОТ»

Достоевский проявлял большой интерес к эпохе Екатерины II. Об этом свидетельствует возникший у писателя во время работы над «Идиотом», в октябре — ноябре 1867 г., замысел поэмы «Император» — о трагической судьбе Иоанна Антоновича, узника Шлиссельбургской крепости. Действие поэмы происходит в начале правления Екатерины II, незадолго до гибели Иоанна Антоновича. В записной тетради 1876 г. Достоевский называет Екатерину II «гениальной», в отличие от Александра I (24; 82). По-видимому, писатель полагал, что Екатерина проводила более успешную для России и более самостоятельную политику, чем ее внук, который «прельстился <...> красивой картинкой — ролью освободителя и миротворца и отдал за эту “картинку” несомненную пользу своего государства»¹.

Имя императрицы встречается в двух произведениях писателя: «Идиот» и «Братья Карамазовы». Генерал Иволгин в рассказе о Наполеоне упоминает Екатерину II: «Помню только, что, войдя в первую залу, император вдруг остановился пред портретом императрицы Екатерины, долго смотрел на него в задумчивости и наконец произнес: “Это была великая женщина!” — и прошел мимо» (8; 413).

Однако далеко не все во внутренней политике Екатерины могло нравиться Достоевскому. Например, Мышкин много рассужда-

* Андрей Тусичишный — сотрудник Института русского языка им. А.С. Пушкина.

ет о смертной казни. Смертная казнь фактически была отменена при Елизавете Петровне. «Накануне переворота она (Елизавета Петровна. — А.Т.)» дала обет перед образом Спасителя никого не казнить и сдержала слово. За ее царствование не был подписан ни один смертный приговор»². Однако при Екатерине II смертная казнь была введена вновь как высшая мера наказания. Автор «Идиота», сам переживший ожидание смертной казни, не мог этого принять. Устами князя он протестует против жестокости смертной казни: «Сказано: “Не убий”, так за то, что он убил, и его убивать? Нет, это нельзя» (8; 20).

Достоевский был знаком со статьей историка М.И. Семевского об Иоанне Антоновиче, опубликованной в «Отечественных записках», и использовал этот материал в своем романе. М.И. Семевский приводит портрет Иоанна из французской брошюры неизвестного автора: «Государь этот <...> был необыкновенной красоты, высок ростом, статен, имел белокурые волосы, русую густую бороду, черты лица привлекательные, кожу белизны чрезвычайной»³. Нетрудно заметить сходство с основными деталями портрета Мышкина: «Обладатель плаща с капюшоном был молодой человек <...> роста немного повыше среднего, очень белокур, густоволос, со впалыми щеками и с легонькою, востренькою, почти совершенно белою бородкой. <...> Лицо молодого человека было, впрочем, приятное, тонкое и сухое, но бесцветное <...>» (8; 6).

М.И. Семевский касается вопроса и об идиотизме Иоанна Антоновича. Он не согласен с точкой зрения анонимного автора брошюры на французском языке, который «опровергает мнение, высказанное другими писателями, будто бы Иоанн был идиот (в чем, однако, кажется, и не может быть сомнения)»⁴. Далее приводятся слова княгини Е.Р. Дашковой, что попытавшемуся освободить Иоанна Антоновича Мировичу «казалось низвержение Екатерины предприятием легким, и вообразив прослыть героем, он решился предоставить корону сумасшедшему принцу»⁵. М.И. Семевский также цитирует манифест Екатерины II «Об учреждении уголовного суда над бунтовщиком Мировичем», где она рассказала о своей встрече с Иоанном в 1862 г., сразу же после ее восшествия на престол: «Мы тогда же положили сего принца сами видеть, дабы, узнав его душевные качества и жизнь ему, по природным его качествам и по воспитанию, которое он до того вре-

мени имел, определить спокойную. Но с чувствительностью увидели в нем, кроме весьма его тягостного и другим почти невразумительного косноязычества, лишение разума и смысла человеческого»⁶.

Выдуманный, не существовавший в истории образ честолюбивой дочери коменданта крепости, которая готова выйти замуж за Иоанна Антоновича для того, чтобы стать императрицей, напоминает молодую Екатерину. Екатерина разочаровалась в своем женихе, и ее не радовала предстоящая свадьба, о чем она откровенно пишет в «Записках»: «Сердце не предвещало мне счастья; одно честолюбие меня поддерживало. В глубине души моей было не знаю что-то такое, ни на минуту не оставлявшее во мне сомнения, что рано или поздно я добьюсь того, что сделаюсь самодержавною русскою императрицею»⁷. А.И. Герцен в «Предисловии» к «Запискам» Екатерины отмечает: «Шаловливая четырнадцатилетняя девочка, причесанная на манер “Моисея”, светловолосая, резвая невеста малолетнего идиота — великого князя, — она уже охвачена тоской по Зимнему дворцу, жаждой власти»⁸. Отголоском этого является одна из возможных «развязок» судьбы Настасьи Филипповны — выйти замуж за Мышкина, чтобы стать княгиней и отомстить своим обидчикам: «Я теперь и сама княгиня, слышали, — князь меня в обиду не даст! Афанасий Иванович, поздравьте вы-то меня; я теперь с вашею женою везде рядом сяду; как вы думаете, выгодно такого мужа иметь? Полтора миллиона, да еще князь, да еще, говорят, идиот в придачу, чего лучше? Только теперь и начнется настоящая жизнь!» (8; 141).

Достоевский хорошо знал «Записки» Екатерины II, которые в издании Искандера (А.И. Герцена) 1859 г. находились в его библиотеке⁹. Когда юная студентка женских педагогических курсов С.Е. Лурье обратилась к Достоевскому с просьбой порекомендовать ей для чтения несколько книг, писатель пригласил ее к себе и дал ей из своей библиотеки две книги — «Россию и Европу» Н.Я. Данилевского и «Записки» Екатерины¹⁰.

Достоевский, очевидно, высоко ценил литературный талант императрицы. В «Записках» явлен настолько живой автобиографический портрет Екатерины, что он послужил источником для создания двух гордых соперниц в «Идиоте» — Настасьи Филипповны и Аглаи.

Лучшие черты молодой Екатерины Достоевский передал Аглае: «философский» склад ума, большая начитанность, веселый характер. О своей начитанности и о влиянии на нее книг Екатерина пишет неоднократно. Эта черта, очевидно, особенно импонировала Достоевскому. «Вообще после свадьбы я беспрестанно читала»¹¹. После сочинений Вольтера она стала разборчивее в чтении. Когда родился сын, будущий император Павел I, ребенка сразу же, по приказанию Елизаветы Петровны, отняли у матери и перенесли в покои императрицы. Екатерина рассказывает, как она скучала, «в эту зиму я прочитала столько русских книг, сколько могла достать <...>»¹². Автор «Записок» говорит о себе и своем женихе, великом князе: «В обоих нас было много детской резвости»¹³.

Петр III женился на своей троюродной (в тексте «Записок» ошибочно сказано — двоюродной) сестре, будущей Екатерине II. Мышкин вначале относится к Аглае, как брат к сестре. Он объясняет Лизавете Прокофьевне: «<...> я как сестре писал; я и подписался братом» (8; 264). Екатерина II вспоминает: «Помню, как между прочим он сказал мне, что ему более всего нравится во мне то, что я его двоюродная сестра, и что по родству он может говорить со мною откровенно; вслед затем он мне открылся в своей любви к одной из фрейлин императрицы <...>; он мне объяснил, что желал бы жениться на ней, но что готов жениться на мне, так как этого желает его тетка»¹⁴. Князь Мышкин тоже готов жениться и на Настасье Филипповне, и на Аглае.

Не случайно Аглая выдвигается на главную роль, начиная со второй части романа, где действие переносится в Павловск, связанный с именем Екатерины II. В 1777 г. она подарила сыну лес, который стоял на месте будущего Павловска, по случаю рождения внука Александра. Вскоре под руководством придворного архитектора шотландца Чарльза Камерона началось строительство дворца цесаревича. Достоевский хорошо знал Павловск, который был связан и с его личной жизнью. Здесь 10 июля 1864 г. умер его любимый старший брат Михаил.

В Лизавете Прокофьевне отражены такие черты Елизаветы Петровны, какой ее изображает Екатерина II, как доброта, вспыльчивость, раздражительность, гневливость. Однажды, в то время, когда Елизавета Петровна распекала Екатерину за мотовство, «шут ее

Аксаков положил конец этой диссертации, продолжавшейся слишком полчаса. Он вошел в палатку и поднес ей в шапке маленького ежа. Императрица подошла посмотреть, громко вскрикнула, промолвив: настоящая мышь! И опрометью убежала во внутренность палатки: она смертельно боялась мышей»¹⁵. Эта ситуация обыгрывается в эпизоде романа, когда Аглая в знак прощения обид посылает Мышкину ежа.

Лев Николаевич объясняет Лебедеву, что он — последний представитель князей Мышкиных, и Лизавета Прокофьевна Епанчина — «тоже из княжон Мышкиных, тоже последняя в своем роде...» (8; 8—9). Елизавета Петровна и ее племянник, сын старшей сестры Анны, возможно, были последними из потомков Петра I и вообще последними представителями династии Романовых. Главный герой «Идиота», как и муж Екатерины II, импотент. Судя по «Запискам», Петр III едва ли был отцом будущего императора Павла I. Настоящим отцом Павла мог быть либо Сергей Салтыков, либо Лев Нарышкин, которого Екатерина характеризует: «Это был человек самый странный, какого когда-либо я знала»¹⁶. В «Предисловии» Герцен с сарказмом говорит об увлечениях Екатерины: «Императрица усматривает непорядок в том, что у Екатерины нет детей. Госпожа Чоглокова сообщает ей об этом, намекая, что нужно, наконец, пожертвовать своею щепетильностью, когда дело касается пользы государства, и в конце концов предлагает ей на выбор Салтыкова и Нарышкина. Молодая женщина разыгрывает из себя дурочку, берет себе в любовники обоих и сверх того поляка Понятовского и таким образом вступает на то эротическое поприще, которого не оставляла в течение сорока лет»¹⁷. Не случайно, как с иронией говорит автор «Идиота» в эпилоге, «история последних увлечений Аглаи Ивановны» (8; 510), после Гани и Мышкина, замыкается польским графом-эмигрантом.

Петр III для автора «Идиота» — образец русского либерала, который, по словам Евгения Павловича Радомского, «ненавидит народные обычаи, русскую историю, все» (8; 277). В связи с этим Достоевский в записной тетради выделяет в мемуарах Екатерины рассказ о бане: «На первой неделе поста мы стали говеть. В среду вечером я должна была идти в баню в дом к Чоглоковым; но накануне Чоглокова пришла ко мне в комнату и, увидав Великого Кня-

зя, который сидел у меня, сказала ему от имени Императрицы, чтобы он также сходил в баню. Надо заметить, что баня и все Русские обычаи и местные нравы были не только неприятны Великому Князю, но он их просто ненавидел. Он начисто объявил, что не пойдет в баню»¹⁸.

Проблема роли дворянства в русском обществе шестидесятих годов XIX века — одна из центральных в «Идиоте». В сцене званого вечера у Епанчиных — сатира на «привилегированное сословие», которое столь процветало при Екатерине II. Императрица предоставила дворянам льготы и привилегии, способствовала его укреплению. «В “Записках” Екатерины фактически выдвигается программа нового типа взаимоотношений между самодержавным государством и тем классом, на который это государство опирается. <...> Отношения самодержавия с дворянством приобрели более “цивилизованные” формы. <...> Гражданское положение дворянства со времени правления Екатерины II улучшилось по сравнению с первой половиной XVIII века»¹⁹. Дворянство получило огромные привилегии при Екатерине, но не воспользовалось ими для служения отечеству. В своей «программной» речи у Епанчиных князь говорит о том, что дворянство не должно бесследно исчезать с исторической сцены и уступать место «другим», очевидно, имея в виду революционно настроенную молодежь.

Петр III «Записок» — литературный прототип самого опустившегося дворянина в романе, генерала Иволгина. Оба пьяницы и вдохновенные лжецы. Достоевский связывает Иволгина с Екатериной II в рассказе о «светло-голубой» даме с болонкой, которая выбросила за окно поезда сигару генерала, когда он курил. Одинокая Екатерина трогательно повествует в «Записках» о своей любви к маленькой собачке, английскому пуделю, которого подарил ей великий князь. Екатерина описывает собачку: «Она была очень мала <...>»²⁰. Иволгин тоже подчеркивает, что болонка была «маленькая, вся в мой кулак» (8; 92). Устами генерала и Настасьи Филипповны несколько раз подчеркивается такая важная деталь, как светло-голубое платье. Судя по «Запискам», голубой цвет был любимым цветом императрицы. Генерал Иволгин описывает хозяйку болонки: «<...> пышнейшим образом разодета, в светло-голубом <...> дородная жен-

щина, полная, высокая, блондинка, румяная (слишком даже) <...>» (8; 93). Этот портрет напоминает известную картину В.Л. Боровиковского, хранящуюся в Третьяковской галерее, «Екатерина II на прогулке в Царскосельском парке» на фоне Чесменской колонны. Императрица изображена в роскошном голубом шлафроке и чепце, с любимой левреткой у ног. Такой запечатлел ее и А.С. Пушкин в «Капитанской дочке», заменив голубой шлафрок на «белое утреннее платье».

Екатерина отмечает жестокое отношение великого князя к животным. Например, она рассказывает, как ее муж однажды изо всех сил бил собаку. Когда Екатерина начала просить мужа, чтобы он пощадил животное, он стал бить еще сильнее. Автор «Записок» делает вывод: «Вообще слезы и крики, вместо того, чтобы возбуждать жалость в Великом Князе, только сердили его. Жалость была для души его тягостным и можно сказать нестерпимым чувством»²¹. Генерал Иволгин проявляет жестокость по отношению к собачке дамы в голубом: «Не говоря ни слова, я с необыкновенною вежливостью, с совершеннейшею вежливостью, с утонченнейшею, так сказать, вежливостью, двумя пальцами приближаюсь к болонке, беру деликатно за шиворот и шварк ее за окошко вслед за сигаркой! Только взвизгнула! Вагон продолжает лететь... <...> — Но что же барыня? — с нетерпением допрашивала Настасья Филипповна. — Она? Ну, вот тут-то вся неприятность и сидит, — продолжал, нахмурившись, генерал, — ни слова не говоря и без малейшего как есть предупреждения, она хватъ меня по щеке! Дикая женщина; совершенно из дикого состояния!» (8; 93—94). В этом эпизоде передан решительный характер Екатерины. Как бы сама императрица дает пощечину спившемуся генералу, который позорит дворянское сословие.

Екатерина рисует великого князя как пьяницу и «отъявленного лгуна». Создателя образа генерала Иволгина не мог не заинтересовать ее философский подход к проблеме лжи: «Я старалась всегда во всех случаях, сколько могла, стремиться к справедливости; он напротив с каждым днем удалялся от нее, так что наконец сделался отъявленным лгуном. Путь, которому он в этом отношении следовал, весьма замечателен, и потому я постараюсь показать его; может быть через это обнаружится направление человеческого ума в этом случае, и это послужит к предостережению или исправле-

нию людям, чувствующим в себе склонность к такому пороку»²². Сначала он лгал ради хвастовства перед молодыми женщинами, которым хотел понравиться. Он рассказывал им в присутствии Екатерины, как отец ему еще в Голштинии дал войско, и он показал в сражениях с египтянами «чудеса храбрости и ловкости». Екатерина выяснила, что в то время ему было всего 6 или 7 лет. «Ну так вы очень рано начали совершать храбрые подвиги <...>»²³. Повествуя Мышкину о том, как он был «в камер-пажах» у Наполеона, генерал Иволгин в ответ на недоумение князя объясняет: «— Я моложав на вид <...>» (8; 412). Мышкин боится обидеть генерала и уверяет его в том, что он не находит это странным. Екатерина же с иронией «отвечала, что его изобличаю не я, а календарь»²⁴. Настасья Филипповна тоже публично обличает Иволгина, когда он рассказывает анекдот о болонке.

Достоевский использовал отдельные детали быта Екатерины II при создании образа Настасьи Филипповны. Екатерина, находясь в Царском Селе, по вечерам устраивала со своими фрейлинами разные *petits jeux*²⁵. Екатерина постоянно подчеркивает, как ее любили окружающие. Все приближенные к Настасье Филипповне тоже очень любят ее. Стремление Настасьи Филипповны к справедливости особенно проявляется в сцене ее дня рождения, когда она обличает своих гостей: Тоцкого, Ганю, генерала Епанчина. Такой же характер у Екатерины, которая ненавидела всесильных при Елизавете Петровне Шуваловых и мстила им, как могла: «<...> я решилась, насколько будет от меня зависеть, доказать тем, которые причинили мне столько различных огорчений, что меня нельзя оскорблять безнаказанно, и что со мною следует обращаться хорошо <...>. Вследствие этого, я не пропускала ни одного случая, когда могла, показать Шуваловым, как они мне милы; я выражала им глубокое презрение, я указывала другим на черноту их сердец, на глупость их голов; везде, где могла, я находила их смешные стороны и преследовала их сарказмами, которые потом распространялись по городу и делались потехою злых языков; одним словом я мстила им всеми средствами, какие могла выдумать <...>»²⁶.

Итак, «Записки» императрицы послужили одним из источников для изображения жизни дворянского сословия в романе «Идиот», при создании образов Настасьи Филипповны, Аглаи, Лизаве-

ты Прокофьевны, генерала Иволгина. В произведении, в котором центральное место занимает проблема дворянства, уже уходящего с исторической сцены и подводящего итоги своего существования, вполне естественна роль Екатерины II, присутствующей как бы за кадром и играющей оценочную роль в отношении «высшего сословия», которому ей были предоставлены столь значительные льготы.

Примечания

¹ **Архипова А.В.** «Александровская эпоха» в интерпретации Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. — Т. 14. — СПб.: Наука, 1997. — С. 78.

² **Елисеева О.И.** Молодая Екатерина. — М.: Вече, 2010. — С. 42—43.

³ **Семевский М.** Иоанн VI Антонович // Отечественные записки. — 1866. — № 4. — С. 547.

⁴ Там же. — С. 537.

⁵ Там же. — С. 554—555.

⁶ Там же. — С. 545.

⁷ Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Записки императрицы Екатерины II. Репринтное воспроизведение. — М.: Наука, 1990. — С. 33.

⁸ Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Справочный том. — М.: Наука, 1992. — С. 8.

⁹ Библиотека Ф.М. Достоевского. Опыт реконструкции. Научное описание. — СПб.: Наука, 2005. — С. 138.

¹⁰ Неизданные письма к Достоевскому // Достоевский. Материалы и исследования. — Т. 12. — СПб.: Наука, 1996. — С. 206—207.

¹¹ Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Записки императрицы Екатерины II. Репринтное воспроизведение.

¹² Там же. — С. 164.

¹³ Там же. — С. 13.

¹⁴ Там же. — С. 8.

¹⁵ Там же. — С. 83.

¹⁶ Там же. — С. 116—117.

¹⁷ Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Справочный том. — С. 14.

¹⁸ Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Записки императрицы Екатерины II. Репринтное воспроизведение. — С. 92—93.

¹⁹ Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Справочный том. — С. 173—174.

²⁰ Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Записки императрицы Екатерины II. Репринтное воспроизведение. — С. 110.

²¹ Там же. — С. 78.

²² Там же. — С. 196.

²³ Там же. — С. 196—197.

²⁴ Там же. — С. 197.

²⁵ Там же. — С. 94.

²⁶ Там же. — С. 166.